

Александр Эртель

Addio

Александр Эртель

Addio

«Public Domain»

1882

Эртель А. И.

Addio / А. И. Эртель — «Public Domain», 1882

ISBN 978-5-457-12768-5

«...у меня поселилась тетка. Она старая-престарая, нос у ней длинный и большой, походка мелкая и колеблющаяся... Но у ней большое горе, и она вечно вздыхает. Какое горе? – Я не признаю это горем: у ней есть сын, очень молодой человек, и этот молодой человек на далеком севере. Мало ли молодых людей на далеком севере!.. А между тем она мне надрывает душу своими стенаниями и тем рассеянным и тяжелым взглядом своим, который не сводит по целым часам с его писем, с его фотографии, с его наивных игрушек, уцелевших от мирного детства...»

ISBN 978-5-457-12768-5

© Эртель А. И., 1882
© Public Domain, 1882

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	9
Комментарии	

Александр Иванович Эртель

Addio¹

6 марта. Сумрачно и тепло.

Сегодня всю ночь в логу ревела вода, и всю ночь не мог заснуть я. Грудь ноет, в ушах непрестанный звон, нервы раздражены и натянуты подобно струнам... Ах, эта весна!

И вообразите, у меня поселилась тетка. Она старая-престарая, нос у ней длинный и большой, походка мелкая и колеблющаяся... Но у ней большое горе, и она вечно вздыхает. Какое горе? – Я не признаю это горем: у ней есть сын, очень молодой человек, и этот молодой человек на далеком севере. Мало ли молодых людей на далеком севере!.. А между тем она мне надрывает душу своими стенаниями и тем рассеянным и тяжелым взглядом своим, который не сводит по целым часам с его писем, с его фотографии, с его наивных игрушек, уцелевших от мирного детства.

И вот собрались мы, старый да больной, и зарылись в глубину безмолвствующей степи и, каждый в одиночку, томительно одолеваем век свой. Скучно и больно.

Впрочем, пройдет март, и располземся мы, и печальная степь уже не будет расстилать перед нами необъятные свои дали. Я поеду к голубому морю; буду видеть голубое море, буду слушать гармоничный лепет тихо вздымающихся волн, буду вдыхать воздух, напоенный южным солнцем и тонким запахом олеандров, и целительный воздух оживит меня... А когда я уеду, тетка снова подымет свое имущество (старое пианино с пожелтевшей клавиатурой), и переселится в Воронеж, и снова наклеит на оборванную дверь своей квартирки узкий билетик:

УРОКИ МУЗЫКИ, 50 КОП. В ЧАС.

Г-ЖА КАПИТОЛИНА КАВЕРИНА.

Правда, ей хотелось бы вместо этих уроков улепетнуть на сельское кладбище, вокруг которого так беспечно шумят ракеты и веселые птицы поют звонкие свои песни, и залечь там в глубокой могиле... Но ей необходимо жить. Безжалостен суровый север, и ее милый мальчик захиреет без материнских полтинников, аккуратно высылаемых по глухому почтовому тракту.

Но зачем я еду в Ментону? Ах, это такая длинная и такая скучная история...

9 марта. Солнце. Тает. Ветер с юга.

Утром Семен вошел ко мне и ясно улыбнулся.

– Жаворонки прилетели! – сказал он и протянул некоторое подобие птицы, испеченной из теста. Я отведал: было вкусно и несколько приторно. Тетка отломала кусочек. Поглядела на него долго и пристально и заплакала.

– Тихий мой... Любил он этот обычай... Сам, бывало, на стреху кидает жаворонка и радуется... – произнесла она сквозь слезы, и сдерживала эти слезы, и умиленно улыбалась.

Это хорошо: прежде она не могла плакать. Я не стал утешать ее. Я одел шубу и вышел из дома.

На дворе было приятно. Солнце высоко стояло в синем небе и блистало ослепительно. Снег синел, медленно разрушаясь. Желтая травка сквозила на проталинах. По косограм тихо звенели ручьи. Куры хлопотливо разрывали кучи теплого навоза и весело кудахтали. Петухи будили тишину победоносным своим криком. У застрехи суетились и чирикали воробьи. С пруда гулко и отчетливо разносились удары валька.

Я уселся на бревно, с незапамятных времен поверженное у конюшни, и лениво отдался тихим и задумчивым грезам. Солнце сильно пригревало. Было тепло. Мягкие лучи ласково скользили по мне. Слабое дыхание южного ветра нежно прикасалось к лицу. Я сидел, и смотрел кругом, и слушал.

По стене конюшни, защищенной коноплею, бродили светлые пятна, и сероватая поверхность бревна казалась бархатною. Это бревно с утра до заката нагревалось солнцем. Снег около него уже растаял, и земля обнажилась. Рыхлая и жирная, она как-то весело выделялась своей чернотой и пахла тонким запахом. Следы моих ног отпечатались на ней явственным углублением. За растаявшей круговиной синел сугроб. Еще недавно горделиво возвышался он строгим и холодным очертанием своей конусообразной вершины, едва не достигавшей до застрехи, теперь же явно поник и беспомощно опадал все ниже и ниже. Шероховатая ледяная кора образовалась у его подножия, и тоненькие ручейки сочились по ней, медлительно извиваясь к тропинке, ведущей в ложбину. С застрех, тихо и однообразно, падали капли. Иные из них прихотливо сверкали, держась на конце ледяных сосулек, нависших с крыши подобно сталактитам. Иные ударялись звонко и правильно. Падение других походило на шепот. Иногда, сталактиты ломались, и проносился звон, как от разбитого стекла. Тогда воробьи испуганной стаей отлетали от застрехи и оглашали воздух беспокойным чириканьем, а близ проходящий петух поднимал ногу и с важным недоумением осматривался по сторонам. Разбитый же сталактит таял, и млел на солнце, и исходил слезами... За углом конюшни мерно и мечтательно булькал ручей. Пробегая мимо тоненькой ледяной пленки, кое-где застывшей у его края, он мелодично звенел мелким и серебристым звоном, и мне чудились струнные звуки, таинственно колеблющие чуткий воздух...

И тихие грезы мои вставали ярче и теснились мне в душу непрерывною вереницей. Все мое существо переполнялось беспокойною грустью. Непрестанные звуки, стоящие в воздухе, досаждали мне своей невнятистью и своим осторожным и таинственным лепетом. Ликующие восторги птиц раздражали. Свет, расточаемый щедрым солнцем, казался болезненным и как бы замирающим в каком-то чахоточном бессилии, и острая теплота южного ветра неприятно стесняла мое дыхание. Мне казалось, природа, вместо обновления, умирала, и жизненные ее силы поникали в молчаливой покорности, и смерть эта была моей смертью.

Я встал и пошел в поле, и долго шел быстрым шагом, не оглядываясь назад. А когда оглянулся – хутор был далеко. Крыши построек, занесенные снегом, еще не успевшим растаять, смутно возвышались в долине, и трубы чернелись как точки. Пустынная окрестность кругом облежала меня. Бесконечная равнина однообразно замыкала дали. Я остановился и прислушался. В далеком степном пруду шумела вода, низвергаясь с плотины. Я дошел до кургана и сел там, подостлав шубу. Дали широко раздвинулись предо мною. На белой равнине засинели кусты, и беспорядочно набросанные поселки замелькали там и сям. Мертвая тишина властно царствовала в пространстве. Молчали люди, молчали птицы, молчала степь, и необъятная даль безмолвствовала в какой-то угрюмой задумчивости. Шум воды, глухо доносившийся до кургана, казалось еще более усугублял строгость и величие этой тишины.

И неодолимая печаль охватила меня. Я чувствовал, как сердце мое расширилось в какой-то тяжелой и мучительной истоме, и тоскливая жалость закрадывалась в душу.

И долго сидел я недвижимо. Годы, прожитые в этой степи, бесшумным рядом проходили предо мною. Вспомнились мне мои встречи, мои знакомства люди, изуродованные вечной сутолокой, люди, пришибленные жизнью, погибшие и погибающие: Серафим Ежилов, офицерша, Поплешка, Харлампий, Лебедкин, Люба, Семен мой неизменный, и наряду с ними провосходительные Гермогены, вылощенные Карамышевы, европействующие Липатки, воинствующие Гундриковы, скотоподобные мельники из Криворожья... Повсюдные примеры непосильной борьбы и ликующего свирепства. Боже, боже, где же выход из этой скорбной ночи, позабытой солнцем... Где же звуки, которым суждено пробу-

дить эти деревни, изболевшие в дремоте, эту изнемогшую в косности степь!.. Весна придет, и опять настанет весна, а мертвая тишь не прервется, и не закипит бойким ключом томительно разлагающаяся жизнь.

И даль неудержимо повлекла к себе мои грезы. Уехать, позабыть, не видеть этой степи с ее вековой печалью, с ее курганами, угрюмо сторожащими окрестность, с ее молчаливыми селами и деревнями. Довольно терзать душу этим закаменевшим пространством и с мелочной точностью отмечать жестокие идеалы, наводняющие глушь... Дальше, дальше!.. Пусть версты и версты бесконечными точками вырастут на моем пути и бойкая жизнь закипит вокруг меня... Пусть яркое небо и голубые горы скорее встанут на смену этих необъятных далей, тоскливо разъедающих душу, и пускай поспешней вырастают башни и храмы зарубежных городов в ясной перспективе благотворного южного воздуха... Я хочу жить. Я не могу вдыхать пустоту и с рабской покорностью подставлять мою спину героям дня. Я не в силах, подобно автомату, с неукоснительной аккуратностью вести перепись, гадам, заполонившим мою родину. К чему вести? Весна придет и снова настанет, а мертвая тишь не прервется...

Кончено... Прости, степь, и не поминай лихом. Буду искать на чужбине счастья и воли. Буду испытывать в себе «всечеловека». Заменю соседей моих, преуспевающих в хищении: чужого и в расхищении своего добра, светлыми образами «мировой» поэзии – Шекспиром, Данте, Гете, Пушкиным... Погружусь в чудотворный источник святого искусства, непричастного злобе дня... Обойду галереи Дрездена и Рима. Осмотрю Венецию, побываю в Лувре. Буду бродить по развалинам: Помпеи... И с священным трепетом восприму великую тайну античных преданий и всецело проникнусь ими. И когда сердце мое закаменеет, когда лишь один чистый и холодный идеал красоты получит к нему доступ, – с гордостью скажу, что я одолел мою скорбь и погибавшую душу мою сохранил на чужбине.

И когда я сошел с кургана, печаль покинула меня. Я забыл боли и скорби, которыми жил доселе и под гнетом которых беспомощно замирала родная моя степь и безропотно погибали родные, мне люди. В моем воображении чуждый край ослепительно сиял, и искрился, и манил меня невозмутимым своим покоем, где счастье, свобода, воля... Я бодро шел к хутору, дерзко измерял даль, без конца убегавшую в пространство, и безбоязненно будил угрюмую тишину прекрасными немецкими словами:

Dahin, dahin, wo die Zitronen blühen...^{2[1]}

Следы мои четко обозначались на влажном снегу. Равнодушное солнце пронизывало воздух сверканием.

Шумно вошел я в комнату и... присмирел. Грустные звуки пианино раздавались в маленьком зале. Изредка дрожащий голос тетушки, преодолевая слезы, присоединялся к этим звукам и наводил на душу невыразимое уныние. И повторяла она один и тот же куплет:

Прости же! Новой жизни
Заря блеснит и мне,
И встретимся мы скоро
В неведомой стране...

То было «Addio» Шуберта.

И солнечный луч, игравший на белой стене, снова показался мне лучом умирающим, и неодолимая печаль обняла мою душу...

² Туда, туда, где цветут лимоны (нем.).

10 марта. Облачно. Моросит дождь.

Сижу дома. На дворе мокро, и выйти невозможно; снег под ногами проваливается; неприязненная сырость пронизывает насквозь. В доме тихо и сухо, и неустанный маятник четко отбивает такт... Тусклый свет лениво льется в плачущие окна. Тетушка неумоимо вяжет и гремит спицами. Я хожу по комнатам, и подолгу останавливаюсь перед окнами, и тоскливо гляжу в них. Сизые тучи густо заслоняют небо. Они выются, подобно дыму, и быстро уносятся в даль бесконечной чередой. Вдали мрачным туманом встают кусты и расстилается белое поле, изборожденное проталинами. Ближе зияет плотина, усаженная ракетами. Дружные ракеты печально преклоняются по воле ветра и беспомощно простирают гибкие ветви свои, как бы умоляя о пощаде. Еще ближе трепещет сад. Жидкая сирень беспрестанно приникает к сугробам, и целует их, и плачет над ними холодными слезами; важные яблони медлительно кивают и колеблются; синий вишенок разбегается беспокойными волнами и, цепляясь друг за друга, переполняет воздух шумом; густой куст орешника, заслонивший одно из окон залы, отчаянно бьется и с буйным дребезгом хлещет стекла, словно оповещая сад о дерзкой своей отваге... Пруд глухо ревет, перебегая плотину. Мне видно, как лед на нем посинел и безобразно вздулся, покрывшись трещинами, а вокруг плотины выступила темная вода, отразившая в сердитых волнах своих изломанные очертания ракет и зловещее небо. В конце пруда мечется камыш, беспорядочно помахивая мокрыми кистями своими...

Перехожу на другую сторону и смотрю на двор. На дворе пусто. Куда-то пробежала кухарка, фартуком заслонившись от ветра. Сиротливо потрусил и скрылся под крыльцо Волчок, недовольно отряхав мокрые лохмотья свои и уныло поджимая хвост. Быстро и осторожно пробежала кошка к амбарам... И снова пусто. Ветер рвет и щетинит застрехи, свободные от снега, и сердито ударяет ставнем кухни. В небе крутятся тучи... Сумрачная даль замыкает поле. Дозорный курган мрачно чернеет.

Боже, какая скука! Никогда хутор не казался мне таким склепом, и никогда такой мрак не угнетал меня. Уж не напиться ли мне и не забыться ли в пьяном веселье... О, если бы скорее отсюда...

– Нет ли письма теперь? – робко осведомляется тетка и с тоскою глядит на меня слезящимися глазами.

Я первый раз вспомнил о почте, и дыхание мое радостно стеснилось. Мне даже показалось, что небо внезапно просветлело и повеселели комнаты, переполненные сумраком. И вместе с этим мне стало стыдно. Область отвратительнейшей душевной возни и мучительных сомнений в конфузе отступила на задний план, и величавый образ необъятной отчизны встал, и вырос, и всецело заполонил мое воображение. Образ этот пришел как бы извне, светлый и величественный. Внутренний мой мир, казалось, совсем отсутствовал в созидании этого образа и ни одной печальной чертой не потревожил его ясных очертаний. И когда я вспомнил – все мои встречи и мои наблюдения показались мне мелкими и случайными, а выводы грешили преувеличенной мрачностью. Я в трепете жаждал разоблачений и поправок... И вдруг мне стало казаться, что именно это почта, где лежат целые груды журналов и газет, упразднит мои скорби и примирит меня с родиной. О, я не сожгу тогда свои корабли и пошлю к черту «святыню красоты» со всеми ее приманками и античными перспективами. Целый месяц не видал я газеты, и целый месяц хутор на Грязнуше отделен от мира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

«Dahin, dahin, wo die Zitronen blühen...» – строка из стихотворения Гете «Миньона».